

**Реализм невозможного: о трансгрессивно выходящем за свои пределы бытия
в философии некрореализма**

Научный руководитель – Козолупенко Дарья Павловна

Григорьева Екатерина Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философской антропологии, Москва, Россия

E-mail: yatak.grig@yandex.ru

«Нет ничего,

Кроме невозможного. . . » [2], – в одном из своих стихотворений завещает Ж. Батай и завещанием этим ознаменует парадоксальную возможность реализма невозможного. Реализм будет пониматься Батаем в качестве нелепой оплошности: не кажется случайным, что во вступительных словах к прозаической работе «Невозможное» [1, 225] он заговорит об ошибочности реализма и необходимости разговора о невозможном, понятом в качестве возможного. Схожая интуиция обнаруживалась в том числе М. Бланшо, назвавшим наследие Батая «опытом-пределом» [11, 74-75] – опытом, иными словами, почти принципиально невозможного, где именно это «почти» и сделало этот «опыт» возможным.

Невозможное в контексте Батая – это, главным образом, попытка отображения смерти, для которой оказалась необходима ее реконцептуализация. Смерть, понимаемая как противоположность жизни или как ее трансцендентное измерение, Батая не устраивала. Он впустил смерть в человеческую жизнь, сказав о том, что опыт, к примеру, жертвоприношения, эротизма или даже смеха – это опыт, в который конститутивно оказывается вписанной смерть, то есть то самое невозможное. В конечном счете и жизнь, кажется, начнет им пониматься как своего рода отпадение от смерти, как краткий перевалочный пункт, пауза на пути бесконечной и бессмысленной растраты солнечной энергии в его проекте «солярной экономики». Жизнь в этой интерпретации достигает наибольшего накала именно тогда, когда в игру вступает смерть. «Нельзя не отводя глаз смотреть ни на солнце, ни на смерть», – запрет, лежащий в основе приведенных слов Ларошфуко, становится запретом, против которого – равно как против едва ли не всякого запрета – восстает Батай, сравнивая в конечном счете смерть с солнечным светом. Лик умирающего человека для него подобен пронзительному сиянию огненной звезды, в лучах которой оказывается, что природа смерти и природа света неотличимы: «Когда в моих мыслях является преобразованное предсмертным экстазом человеческое лицо, то свет смертной неизбежности падает даже на затянутое тучами небо. . . В этой картине открывается, что природа смерти неотличима от природы света: последний светит лишь постольку, поскольку себя не бережет, теряясь в своем очаге. . . » [12, 13].

Жизнь, понимаемая как пауза на пути энергии растраты солнечной энергии – это жизнь, обнаруживаемая и Р. Брассье в его излюбленных словах «Мы уже мертвы» [13]. Солярная смерть, ставшая основой нигилизма тепловой смерти – это смерть, освещающая солнечным светом. Жизнь, которая всегда-уже есть смерть – это жизнь, обнаруживающая в качестве главной и конечной своей амбиции аннигиляцию: оттого-то и вспоминаются слова о том, что всякий вид – это вид-к-вымиранию, а всякая жизнь – это лишь интериорность смерти [10, 42].

«Мама, они жили-были, а потом померли» [4], – в посмертном рассказе А. Платонова «Дар жизни» ребенок – герой повествования – формулирует эту почти афористичную

максиму. Парадоксально название этого рассказа оказывается созвучным с русским переводом Donner la morte Ж. Деррида – «Даром смерти» [6], обнаруживающими, тем не менее, внутреннее родство: если в случае платоновского рассказа мы имеем дело с историей взаимной соотнесенности встречи и расставания, то в случае с текстом Деррида – со взаимной соотнесённостью жизни и смерти. «Невозможное», понятое как смерть, оказывается вплетенным в жизнь, ее конститутивным элементом, пробалтываемым, как истина, в произвольных знаках [3, 115]. Реализм, реальность здесь – это реализм и реальность невозможного, а, следовательно, реальность присутствия смерти. Потому, должно быть, попытки описания этой жизни, или же попытки разговора о том, как мы можем научиться и без того понятной жизни – это попытка разговора о невозможном, о том самом «даре», который формулирует Платонов применительно к жизни, и о даре, который формулируется Деррида применительно к смерти.

Здесь слова Сократа о том, что жизнь является практикой смерти, – слова, с которых начинаются «Призраки Маркса» [7] Деррида, – отсылают к сказанному ребенком. Произнесение фразы о желании, наконец, научиться жить, есть произнесение фразы о желании научиться умирать. Смерть, необходимая для произнесения Я [5, 127] и, кажется, всякого слова – смерть, благодаря которой, как завещает Батай, и становится возможной жизнь, и вне которой, собственно, говорить о ней оказывается невозможным.

Если и можно где-то научиться жизни – кажущейся самопонятной, – то только посредством встречи со смертью. Если как-то и можно закончить сказку, начинающуюся со слов «жили-были», то только словами «потом померли». Если и можно каким-то образом говорить о жизни, то только посредством включения в «дар жизни» «дара смерти».

Тогда, когда невозможное – смерть – возможно, да и к тому же единственно возможное, обнаруживает себя проблематизация какого бы то ни было реализма, кроме реализма невозможного. Или же некрореализма. Само название художественного направления «некрореализм» говорит нам о постоянном присутствии смерти рядом с жизнью. Мертвый реализм, реализм всегда-уже умершего, если вновь идти вслед за Р. Брассье – это реализм, который ставит под сомнение возможность реализма без приставки «некро». Тотализирующие смерть, и представители упомянутого художественного направления, и автор упомянутой интуиции в конечном счете говорят об основании, из которого мы можем попытаться определить мир, а именно о ничто, погруженном в мощнейшую негативность, катастрофе – иными словами, смерти, – с которой всё начинается и которой всё заканчивается. Неизбежному переосмыслению здесь подвергается жизнь, становящаяся, строго говоря, тем, что смерть эту обнаруживает. Мы живем, иными словами, потому, что умираем: визуальная репрезентация этого в полной мере находит себя в рамках некрореализма. Реализм изображений некрореализма – реализм невозможного, реальность того самого отсутствия, нативно содержащегося в присутствии, реальность смерти.

«Нет ничего,

Кроме невозможного. . . » [2], – нет ничего, если идти вслед за некрореалистами, кроме смерти, тотальность которой обнаружена в жизни.

Источники и литература

- 1) Батай Ж. Ненависть к поэзии: Романы и повести / Пер. с фр.; Сост. С. Зенкин. – М.: Ладомир, 2017. – 614с.
- 2) Батай Ж. «Нет ничего. . . » // Ланд Н. Жажда истребления. [Электронный ресурс]. <https://syg.ma/@sickrrett/nik-lend-zhazhda-istrieblieniia-priedisloviie-pierievod> (дата обращения: 01.03.2022).
- 3) Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. — СПб.: Алетейя, 2017. — 190 с.

- 4) Платонов А. Дар жизни. [Электронный ресурс]. <http://platonov-ap.ru/stories/dar-zhizni/> (дата обращения: 12.02.2023).
- 5) Деррида Ж. Голос и феномен. Перевод с французского С.Г. Кашина, Н.В. Суслов – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1999.- 208 с.
- 6) Деррида Ж. Дар смерти. [Электронный ресурс]. <https://predanie.ru/book/219146-dar-smerti/> (дата обращения: 12.02.2023).
- 7) Деррида Ж. Призраки Маркса. Государство долга, работа скорби и новый интернационал. Пер. с франц. / Перевод Б. Скуратова. Под общей редакцией Д. Новикова. М.: Logos-altera, издательство «Ессе homo», 2006. – 256 с.
- 8) О Даре: дискуссия между Жаком Деррида и Жан-Люком Марионом. // Логос Том № 3 (82), 2011. С. 144-171.
- 9) Платонов А. Дар жизни. [Электронный ресурс]. <http://platonov-ap.ru/stories/dar-zhizni/> (дата обращения: 12.02.2023).
- 10) Розен М. Спекулятивный аннигиляционизм: Пересечения археологии и вымирания. / Пер. с англ. Г. Коломийца. – Пермь: Гиле Пресс, 2021. – 128с.
- 11) Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века / Сост., пер. и коммент. С.Л. Фокина. СПб.: Мифрил, 1994. VI + 346 с.
- 12) Bataille G. La pratique de la joie devant la mort // Acéphale. 1939. No5. P. 11–23.
- 13) Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.